

М. БРИ

Тот, кто говорит о сталинизме, не может молчать о ленинизме

Шагая по ленинскому пути, мы погубим
не только социализм, но и гражданские свободы.

*Слова рабочего-солдата на обсуждении
тезисов Ленина в апреле 1917 в Петрограде**

Когда в декабре 1989 г. реформ-социалист и философ Михаэль Шуман¹ вышел с рефератом рабочей группы по подготовке внеочередного партсъезда СЕПГ, коммунистической государственной партии ГДР**, на трибуну Съезда, суть дела он сформулировал одним известным предложением: «Мы бесповоротно разрываем со сталинизмом как системой»***. Однако то, что затем описывалось, не было особенными характеристиками сталинизма, но теми структурами, которые после Октября 1917-го постепенно утвердились

* Цит. по: Bock, Helmut (2013): Freiheit — ohne Gleichheit? Soziale Revolution 1789 bis 1989. Tragodien und Legenden. Berlin. S. 219.

** О возникновении реферата см.: Schumann, Michael (2004): Vor fünf Jahren: “Wir brechen unwiderruflich mit dem Stalinismus als System!”. Reminiszenzen und aktuelle Überlegungen. In: Adolphi, Wolfram (Hrsg.), Michael Schumann — Hoffnung PDS. Reden, Aufsatze, Entwürfe 1989–2000. Berlin. S. 94–98. СЕПГ — коммунистическая государственная партия ГДР.

*** Hornbogen, Lothar/Nakath, Detlef/Stephan, Gerd-Riidiger (Hrsg.) (1999): Außerordentlicher Parteitag der SED/PDS. Protokoll der Beratungen 8./9. und 16./17. Dezember 1989 in Berlin. Berlin. S. 179.

сначала в Советской России, а затем в тех странах, в которых к власти пришли коммунистические государственные партии. При этом Шуман сознательно выносил за скобки сам ленинский период. Говорилось о «берущей начало в 20-х годах сталинистской линии (или линиях)»*. Как и ранее, во время перестройки, многим в тогдашних СЕПГ/ПДС по-прежнему казалось, что реформа социализма будет «возвращением к Ленину». При этом в период правления Ленина, относительно короткий, по сравнению с господством Сталина, длительностью лишь в пять лет, были установлены путевые вехи, отклонений от которых советские власти не допускали — вплоть до крушения советской системы в историческую бездну. Структурный каркас советского общества на протяжении всех этих десятилетий оставался неизменным.

Ленинизм для меня — это политическое течение, а с 1918 г. также и система политической и общественной власти, складывавшаяся в Советском Союзе вплоть до 1930-х, а позднее распространившаяся и на другие государства. Эта система имела следующие четыре сущностных признака**:

Во-первых, идеология легитимации: ленинизм притязает на господство во имя рабочего класса и считает себя верным цели построения общества на фундаменте коллективной собственности — приоритетно в форме государственной собственности. На основе такого общества в исторической перспективе должно отмереть любое господство. Осуществление такой задачи всеобъемлющего преобразования общества — в ситуации как внутреннего, так и внешнего сопротивления и величия исторических целей — требует полной и безусловной концентрации власти в руках ведущей партии. Это свое притязание на руковод-

* Ibid. S. 182.

** См.: Brie, Michael (1998): Staatssozialistische Länder Europas im Vergleich. Alternative Herrschaftsstrategien und divergente Typen. In: Wiesenthal, Helmut (Hrsg.), Einheit als Privileg? Frankfurt a.M./New York, S. 39–104.

ство такая партия обосновывает ссылкой на свое «научное мировоззрение».

Во-вторых, форма господства: решающим средством для сохранения этого господства выступает продолжительное и непрекращающееся устранение всех легальных возможностей публичного самовыражения, самоорганизации и самопредставительства граждан и установление партийно-государственной духовной, политической, социальной и экономической диктатуры.

В-третьих, институции: главные институции для насаждения партийно-государственного господства — это (1) уничтожение демократической публичности и насаждение монолитной идеологии легитимации; (2) государство оперативной власти, находящееся в постоянном (скрытом или проявленном) чрезвычайном положении; (3) подавление любых форм гласности и демократической самоорганизации через политическую полицию, суды и тюрьмы/лагеря; и (4) назначение всех ответственных лиц, принимающих решения сверху (номенклатурный принцип).

В-четвертых, теневое общество: внутри обозначенных институциональных рамок, чтобы как-то компенсировать функциональные дефициты системы, так или иначе допускается существование альтернативных форм публичности, общественных норм и регулирования, полужформальной самоорганизации или рынков.

Роспуск Учредительного Собрания в начале января 1918 г.², вкратце описанный выше, обозначал переход ленинского большевизма от существования лишь как идеи и партии, как она сформировалась с 1903 г., к политической и общественной системе власти. Легитимирующим базисом этой системы выступала провозглашаемая связанность с интересами рабочего класса и с марксизмом как «научным» выражением этих интересов. Однако теперь эти интересы — оформляясь в господство большевистской партии — получают независимое от реальных рабочих и трудящегося населения выражение. Руководство большевистской партии обосновывалось ссылками на рабочих и одновре-

менно делало невозможным их самостоятельное действие. Диктатура пролетариата превратилась в отделенную от воли и действия пролетариев, форму господства над ними. Легитимировалась же она отсылкой к научному постижению исторических закономерностей.

Этим шагом разрешалось присущее «Манифесту Коммунистической партии» противоречие. В «Манифесте» даются великолепные формулировки того, что коммунистов «перед остальной массой пролетариев в теоретическом отношении» отличает лишь «преимущество в понимании условий, хода и общих результатов пролетарского движения»*. Постулируемое таким образом превосходное понимание отличается — пусть и лишь риторически — в «Манифесте» от дискурсивного, всегда подверженного сомнению, критике и проверкам на правдоподобие, никогда не оканчивающегося процесса открытой коммуникации, а именно следующим образом: «Теоретические положения коммунистов ни в какой мере не основываются на идеях, принципах, выдуманных или открытых тем или другим обновителем мира. Они являются лишь общим выражением действительных отношений происходящей классовой борьбы, выражением совершающегося на наших глазах исторического движения. Уничтожение ранее существовавших отношений собственности не является чем-то присущим исключительно коммунизму»**. Это, казалось бы, скромное «лишь», в действительности, дерзностно: коммунистические принципы должны, как утверждается, быть не высказываниями *pro* действительные движения, но высказываниями самого этого движения, т. е., *de facto*, бытийными откровениями. Таким образом полагается, что через коммунистов проговаривается действительное историческое движение в его чистой форме, по ту сторону всех частных интересов

* Marx, Karl (1846): Das Elend der Philosophie. Antwort auf Proudhons "Philosophie des Elends". In: MEW, Bd. 4. Berlin, 63182. S. 474. [К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения (2-е изд.), т. 4. М., 1955. С. 437]

** Там же, с. 438.

и в его радикальнейшем виде. Это можно считать пропагандистским трюком, рискованной самоинсценировкой или просто смелым утверждением собственного превосходства. Покуда сохраняется пространство открытого диспута, в котором это притязание может быть подвергнуто сомнению, такие заявления являются легитимными для манифеста. Но поскольку это притязание насаждалось большевиками насильственно, позднее оно стало легитимационной идеологией их господства.

В «Манифесте» напряжение теоретического постижения, партии и реального движения сопрягаются через утверждение тождества идеи, действия и действительности в историческом плане. В нем заложен коммунистический авангардизм, хотя обоснование и дается через отсылку к рабочим, реально самоорганизующимся, реально самоконституирующимся как класс («делающим» из себя класс*), действительно затребуяющим свои демократические права. Остается оговорка относительно реальной практики реальных субъектов. И поскольку эта оговорка может приниматься или отклоняться этими субъектами, она составляет часть напряжения любого освободительного движения. Но что, если это тождество окажется иллюзорным? Если ни эта идея не «стремится» к действительности, ни эта действительность к идее?

Уже в «Манифесте» сталкиваются два принципа легитимации притязания на власть со стороны левых: принцип превосходного постижения целостности интересов (класса) и принцип активного волеизъявления членов класса посредством выборов, собраний, забастовок, демонстраций, равно как и восстаний. Это противоречие присуще любой левой политике вообще и составляет основание как ее силы, так и слабости. Поэтому его невозможно «разрешить», но можно лишь вновь и вновь перерабатывать. Авангардизм и самоорганизация социальных сил суть — в положитель-

* См.: Thompson, Edward P. (1987): Die Entstehung der englischen Arbeiterklasse. Frankfurt a.M.

ном смысле — две стороны одной медали. Важны те формы, в которые оформляется это противоречие. В условиях диктатуры ссылка на класс становится обращением к некому воображаемому субъекту, не способному к самовыражению. Никто «мыслящий иначе» не может говорить, никакой «действующий иначе» не будет терпим. Покуда имелось демократическое пространство, это утверждение (высказывание от имени класса) поверялось реальной деятельностью реальных людей в реальных движениях. Оно было проверяемым. С разрушением этого столь тяжело возникавшего пространства демократии в России, с января 1918-го, такая проверка на примерах стала невозможной. Оставалось только одно — самонадеянно действовать как партия, выступающая от имени обреченного на молчание моносубъекта, чьей миссией якобы было устройство основывающегося на коллективной собственности социалистического общества.

Решение большевиков против Учредительного собрания было не только, как это утверждалось, решением против этого особого института «буржуазной» демократии. Если бы дело ограничилось роспуском этого конституционного собрания, а Советы смогли бы утвердиться в качестве формы радикальной демократии, то этот роспуск парламентского представительства мог означать переход от буржуазной к социалистической демократии — мог стать великим историческим экспериментом. Последовательное принятие во внимание требований самых широких кругов населения — о мире, земле и рабочем самоуправлении — могло бы сочетаться с интенсивными усилиями по созданию столь же широкой коалиции по цивилизованию конфликтов и сплочению единого фронта против белогвардейской реакции. Что касается социальных требований, то после октября 1917-го Советское правительство обеспечило важные условия для их исполнения. Однако второй шаг так и не был сделан. Демократические левые из лагеря эсэров и меньшевиков оказались совершенно несостоятельными по вопросам войны и земли. Тогда как левые-ленинцы оказались несостоятель-

ными в вопросе демократии. И тем самым как демократия, так и социализм *сообща* были обречены на крах.

Даже тогда, когда рабочие в Советском Союзе стали наиболее многочисленной частью населения, когда наличествовали все перечисленные в учебниках марксизма-ленинизма предпосылки для возникновения социалистического общества, до конца 1980-х, так и не было обеспечено право на свободу слова и на свободные выборы. Ведь никогда нельзя было на деле полагаться на то, что в ситуации гласности реальные рабочие действительно и длительно поддержали бы установившуюся систему партийно-государственного социализма. В 1953, 1956, 1968, 1970 гг. и при всех последующих кризисах социализма ленинского извода они демонстрировали это всё с большей очевидностью. Отсюда можно также заключить, что *такой* социализм несовместим с демократическим самоопределением рабочего класса. А значит, этот эксперимент с самого начала был обречен на крах.

Вера в превосходство собственного научного анализа, присущее каждой по-марксистски выстроенной партии, оказалась иллюзорной и отказ предпринимать лишь те шаги, которые могут быть демократически согласованы и поддержаны большинством, стал причиной попадания в исторический тупик. Крушение советского лагеря и самого Советского Союза было следствием того, что не было обнаружено социалистического выхода из этого тупика.

В итоге отпал важнейший довод в пользу ленинизма: его успешность. Централизация власти и подавление любой оппозиции были оружием победы в гражданской войне. И эта победа легитимировала их. Однако они были не просто средствами по достижению цели, но средствами, сообразными цели. Ведь непосредственной целью было установление власти, которой более не нужно было страшиться никакой внутренней конкуренции, которая была бы столь замкнутой, столь единой, столь чистой, что ей оказалось бы по силам решение задачи насаждения нераздельной общественной собственности. Эта власть не была случайным побочным продуктом обстоятельств, временной мерой и средством са-

моутверждения. Она стала самоцелью. Лишь в этой власти становилось действительным непосредственное единство идеи, власти и реального движения — но как единство по ту сторону всех действительных противоречий: сообща идея, замкнутая власть партии и собственность всех на средства производства — таково было видение. И будучи однажды обретенной эта полная власть уже никогда более не должна была разделяться, так что мыслящим иначе никогда более не дается слово, действующим иначе ни при каких условиях более не предоставляется возможность для самостоятельного деяния, Чтобы это обретенное никогда вновь не оказалось поставлено под вопрос.

Но тем самым социализм ставился на голову, на партию. Вместо первенства самоосвобождения угнетенных утверждается их подчинение тем, кто монополизировал это освобождение и, далее, препятствует любой автономной самоорганизации угнетенных. Успешность такого угнетения была очевидна. Однако такой порядок, при котором трудящиеся классы деградируют в исполнителей приказов государственной партии, которая отказывает им в свободе слова и свободной организации, не может называться социалистическим. Миф о победе социализма в одной стране надолго затемнил эту истину. Партийная диктатура без демократии может оказаться антикапиталистической, но прогрессом к социализму она не стала. Последний шанс на это был упущен в 1934 году после XVII съезда КПСС. По словам Микояна³, из 1225 делегатов при тайном голосовании 260 голосов было подано против Сталина и лишь три против Кирова⁴. Более половины присутствовавших на том съезде делегатов в течение последовавших лет были арестованы, а треть из них убита. Из 139 членов и кандидатов в члены Центрального комитета 98 было уничтожено*.

* Wikipedia (2014): XVII съезд ВКП(б). Wikipedia. Электронная версия: [https://ru.wikipedia.org/wiki/XVII_сbe3fl_ВКп\(б\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/XVII_сbe3fl_ВКп(б)). См. также: https://de.wikipedia.org/wiki/XVII._Parteitag_der_KPdSU (Проверено 15.2.2017).

В советские времена был лозунг, которым выражалась несокрушимая суть ленинизма: «Ленинизм всемогущ, потому что он верен!» Такого рода всемогущие Ленин в 1913 году утверждал относительно «учения Маркса»*. С уничтожением «пространства свободы» (Н. Arendt) это положение оказалось реально перевернутым: ленинизм мог утверждать за собой бесспорную истинность лишь потому, что он был всемогущим пресекать любые публичные возражения. Он был насильственно насажденным господством одной партии, которая освободила свое притязание на истинность от любой проверки в публичных дискуссиях. Вместе с пространством политики исчезла и возможность различения между идеологией и истиной.

Однако нельзя редуцировать ленинизм лишь к этому. Как старается показать эта книга, ленинизм, как и марксизм, является плотью от плоти социализма. Сила ленинской фигуры легитимации властью заключалась в том, что она объединяла власть коммунистических государственных партий с великим историческим видением, а именно — с притязанием на создание как раз тех условий, при которых любое господство человека над человеком будет упразднено. Это преодоление классового господства должно было полагаться на основания коллективной собственности и социального равенства. На таком базисе господство, как в его государственной, так и в любой другой форме, должно было стать излишним и отмереть, так что оказалась бы возможной свобода всех и каждого единичного. Стало быть, не диктатура в интересах меньшинства, не защита некоего *status quo* и не угнетение являлись задачей и целью, но тем искомым, чему диктатура была обязана своим возникновением, было как раз обратное всему этому. Поэтому-то никакая другая политическая диктатура XX века не была столь длительной, как эта ленинистски легитимированная диктатура, отпечаток чьих поздних форм на некоторых государствах и обществах можно наблюдать и сегодня.

* См: Ленин ПСС, т. 23, 43.

Многим современникам той эпохи в России на фоне упадка и разложения царской империи и ужасов Первой мировой войны это представлялось действительной альтернативой. Также и позднее это видение единства величайшего освобождения и несокрушимой власти являло свою привлекательность. Оно должно было, наконец, осуществить способность к преодолению капитализма. На повестке дня стояло неслыханное высвобождение подчиненных классов из их бессилия. Однако результатом этого оказалось новое бессилие, причем как раз тех самых рабочих, которых призывали к самоосвобождению.

Ленинизм немислим без его гуманистической направленности, но вместе с тем он является и агуманным*. Рабочий класс, человечество претворяются в некий абстрактный идеал, а тем самым и в идолов, которым живые люди приносятся в жертву. Ленинизму как институциональной форме недостает пространства сочеловечности. И нет никаких институциональных барьеров против такой политики, как невозможно и опровержение такой идеологии через апелляцию к фактам. Ведь эти факты будут разъясняться как раз через те обстоятельства, преодолеть которые ленинизм и считает себя призванным.

И в этой связи даже тоталитарный террор будет считаться легитимным выражением борьбы против нечеловеческих обстоятельств. И любое сопротивление этой политике возможно объяснить тем, что условия для гуманности *пока еще не даны*. Эти условия как раз только и предстоит создать через обострение господства и насилия, то есть негуманным образом. Ленинская политика склонна к крайностям. И лишь когда она оборачивалась саморазрушением, как, например, во время кризиса осени 1920-го, в конце 1930-х и в начале

* Достоинство единичного, самоценность человеческой жизни по отношению к любым общественным целеполаганиям отрицаются в агуманизме (Ahumanismus). В нем господствует «инструментальный разум». (Horkheimer, Max (2007): Zur Kritik der instrumentellen Vernunft. Frankfurt a.M.). — *Примеч. автора.*

1950-х, эта безмерность загонялась в рамки, чтобы обеспечить главенствующее положение партии и (относительную) безопасность кадров. Но тем самым она также открывалась для внутренней эволюции и самоупряднения.

Но почему коммунисты, всю свою жизнь посвятившие служению идеи, были столь бессильны перед ленинской, а затем сталинской партийной диктатурой? Первая из причин этого объясняется в одном из текстов известного социолога Карла Поланьи⁵, который писал в 1939 году: «*Рабочий класс должен выступить за Россию ради социализма. Обе части этого положения равно важны. Выступить за социализм, но не за Россию, значит предать социализм в его единственном существующем воплощении. Выступить же за Россию, не упоминая при этом социализм, также будет предательством социализма, который только и делает значимой борьбу за Россию*»*.

Как, вспоминая свой арест и приговор 1952 года, пишет Артур Лондон⁶: «Против известного тебе врага бороться легко. В борьбе против классового врага или нацистской оккупации героизм естественен... Но здесь я нахожусь по желанию моей партии... Можно ли вступать в борьбу с таким противником?.. Для коммуниста при таких обстоятельствах не только является невозможным доказательство собственной невиновности, но он также стоит перед следующим обескураживающим, противоречащим здравому смыслу, но настоятельным вопросом совести: Либо он пойдет на то, чтобы подписать «признания» (тем самым, в глазах партии, вступив на путь раскаяния!), либо он откажется сделать это, поскольку является невиновным, и тогда окажется закоренелым преступником, который должен быть беспощадно ликвидирован»**.

* Манускрипт Карла Поланьи "Russia and the Crisis" (1939) цит. по: Nagy, Endre J. (1994): *After Brotherhood's Golden Age: Karl and Michael Polanyi*. In: McRobbie, Kenneth (Hrsg.), *Humanity, society, and commitment. On Karl Polanyi*. Montreal/New York, P. 99.

** London, Artur (1991): *Ich gestehe. Der Prozess um Rudolf Slansky*. Berlin. S. 99.

Эти муки совести в противостоянии с «собственной» партией, однако, не объясняют, почему было возможно то, что политическая и общественная система без живой демократической составляющей стала пониматься как социализм, а Советский Союз как (несовершенное, теснимое врагами) воплощение социалистической идеи? Но в этом — вторая, более глубинная причина интеллектуально-политической неспособности оказывать сопротивление ленинизму. В большевистской традиции социализма нет места для внутреннего противоречия. Любой конфликт следует из приходящей извне противоположности. Любое разногласие представляется, в лучшем случае, как проявление мелкобуржуазного злопаятства, в худшем же случае, как явная измена коммунистическому делу и идее. Единство считается идеалом, разногласие же — потенциальным или реальным предательством.

В своей влиятельной книге «Кодекс общности» (1842) Теодор Дезами⁷ развивает основные положения рабочего коммунизма в традиции Бабёфа⁸, провозглашая непосредственное тождество индивида и сообщества в качестве как предпосылки, так и продукта коммунизма и утверждая следующее: «Разве не следует централизовать, концентрировать, сочетать, объединять и приводить к согласию все виды деятельности, все усилия, таланты и все энергии? Одним словом, разве нам не нужна совершенная и неограниченная общность имущества, всеобщая коллективная собственность?»*

Редукция общества к единственному неделимому всеобщему сообществу** в ленинизме было коммунистическим наследием. Коммунистическая партия при этом представляла как предвосхищение этого идеального сообщества, которое постепенно, шаг за шагом, должно было распространиться

* Dezamy, Theodore (1975): *Gesetzbuch der Giitergemeinschaft*. In: Hoppner, Joachim/Seidel-Hoppner, Waltraud (Hrsg.), *Von Babeuf bis Blanqui. Französischer Sozialismus und Kommunismus vor Marx*. Band II: Texte. Leipzig. S. 501 f.

** См. об этом: Ruben, Peter (1998): *Die kommunistische Antwort auf die soziale Frage*. In: *Berliner Debatte Initial*, 9 (1). S. 5–18.

на всё общество. Но вместе с тем для убежденных партийных коммунистов даже «малейший разлад» с партией становился мучительным самопротиворечием, был по сути некоммунистическим. Защита индивида перед сообществом, противостояние индивида и общества, конституирование культурных, политических и экономических особых интересов, не говоря уже о какой бы то ни было политической оппозиции — всё это считалось лишенным какого-либо положительного общественного содержания и, в лучшем случае, допускалось как еще не искорененные буржуазные «Пережитки» старого общества. Но при этом сама партия видела себя как ассоциацию свободных и равных (как предвосхищение свободного от господства коммунистического общества) и как боевой союз, который, несмотря на все сопротивления, осуществит такую ассоциацию в действительности. И именно полное подчинение этому принуждению должно было стать путем к его упразднению. До момента свершения коммунистической утопии индивидам надлежало оставаться беззащитными перед ленинистской властью, чтобы затем, как звучало обетование, они стали самоцелью общественного развития.

Ленинизм был сам по себе противоречивым и в силу этого — на протяжении определенного периода — способным к развитию. Инструментализация конкретных социальных, демократических и пацифистских задач вызывала — на фоне гуманистического видения — сильные противотечения, но сообщество (*Gemeinschaftlichkeit*) при этом все-таки мыслилась как средство по достижению свободы единичных. Кроме того, чтобы выжить, должна была учитываться реальность сложностных процессов обобществления. Вскрывались конфликты интересов, просто подавить которые было невозможно. Из сложного взаимодействия идеалов, реальной политики и конфликтов интересов складывались социальные и культурные реформистские движения, как и диссидентство, вырабатывались новые нормы, проводились реформы уголовного права и судопроизводства.

Чем менее верилось в непосредственную возможность осуществления коммунистической утопии, чем более —

также и ради стабильности политической власти — уделялось внимания конкретным нуждам больших социальных групп и учитывались реальности общества, тем большим становилось и пространство для проведения таких реформ *здесь и сейчас*. Реформы волнами, всё более и более выхолащивали субстанцию ленинизма и веру в его идеологию легитимации*.

Историю государственного социализма советского типа возможно прояснить лишь из этой внутренней противоречивости ленинизма и внутриобщественной полемики относительно этих противоречий внутри коммунистического руководства, между членами государственной партии, как и среди больших частей населения. Крушение ленинизма было преопределено им самим, невозможностью обеспечить длительность его проекта в условиях современного мира. Он перешел в «брежневизм», самоцелью которого стала стабильность. Но и у него дела ладились недолго. Приверженцам ленинизма, в конечном счете, предстояло решить для себя: следует ли им продолжать держаться за выхолащенное притязание на власть, или же переориентироваться на националистические либо универсалистские, консервативные, либеральные либо социалистические основания.

Прошло 70 лет, пока движения снизу, такие, как «Солидарность»⁹, и сверху, инициированное Горбачевым, не воссоздали то пространство диалога и свободы, которое было разрушено в 1918 году. Эти движения и реформистские проекты вырастали и из внутренних противоречий самого ленинизма: из его воззвания к рабочему классу, с одной стороны, и к великому гуманистическому видению, с другой, высвобождение которых и было заявлено им в качестве цели. Однако потом выяснилось: трудовым классам предстояло

* О кризисных волнах партийно-государственного социализма см.: Brie, Michael (1992): "Selbstaufhebung" des Realsozialismus. In: Brie, Michael/Klein, Dieter (Hrsg.), Zwischen den Zeiten. Ein Jahrhundert verabschiedet sich. Hamburg. S. 57–100.

на своем опыте убедиться в том, что ленинизм несовместим с освобождением рабочего класса самим рабочим классом. Но вследствие этого постановка задачи солидарной эмансипации остается на повестке дня, лишь оформляясь по-новому. Социализм как реальное движение по ту сторону капитализма будет иметь будущее лишь тогда, когда состоится отказ от ленинизма как системы и стратегии, разрыв с тем ленинизмом, при котором это видение оказалось в заточении на более чем семьдесят лет. Демократия и социализм неразделимы; как демократия, так и социализм, равно, являются путем и назначением, средством и целью, формой и содержанием солидарного освобождения. Такое видение социализма еще предстоит претворить в XXI веке.

